

Табунщикова Людмила Викторовна

ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1922 ГОДУ

Статья посвящена одному из аспектов политики советского государства в отношении Русской Православной Церкви: она показывает, как проводилась на Дону политика изъятия церковных ценностей, какие при этом применялись методы, и какова была реакция населения. Автор, опираясь на широкий круг архивных источников, раскрывает особенности проведения данной политики в Донском регионе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 166-170. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья посвящена одному из аспектов политики советского государства в отношении Русской Православной Церкви: она показывает, как проводилась на Дону политика изъятия церковных ценностей, какие при этом применялись методы, и какова была реакция населения. Автор, опираясь на широкий круг архивных источников, раскрывает особенности проведения данной политики в Донском регионе.

Ключевые слова и фразы: Церковь; изъятие церковных ценностей; антицерковная пропаганда; серебро; сокрытие ценностей.

Табунщикова Людмила Викторовна, к.и.н.

Южный федеральный университет

rita19776@mail.ru

ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1922 ГОДУ[©]

Проблема изъятия церковных ценностей во время голода 1921-1922 гг. в настоящее время в общероссийском масштабе изучена достаточно фундаментально современными историками. Тот же самый процесс, протекавший в границах современной Ростовской области, разработан в гораздо меньшей степени. Изменения произошли лишь в 2013 г., когда был издан сборник документов «Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год», ставший опубликованной источниковой базой, позволяющей говорить о фундированности дальнейшей разработки данной проблемы [20].

Борьба с голодом была не только прерогативой государства. Все общественные неформальные организации, еще не ликвидированные к 1922 г. большевиками, откликнулись на трагедию в Поволжье и в других регионах страны. Меры по оказанию помощи голодающим были предприняты донским духовенством еще в августе 1921 г., когда патриарх Тихон (Белавин) выступил с воззванием о помощи голодающим Поволжья. На его воззвание откликнулись верующие Донской области. На собрании духовенства и мирян городских церквей г. Новочеркасска по вопросу создания Комитета помощи голодающим от 16 августа 1921 г. было решено немедленно образовать комитеты: центральный при Кафедральном соборе и местные при городских храмах. Главной задачей ставилась помощь Поволжью. Вопрос о помощи донским голодающим решено было отложить до другого времени [1, л. 327 – 327 об.].

Необходимо отметить, что инициатива привлечь церковные ценности на нужды государства не была нова. Еще 4 июня 1917 г. Донской областной Совет крестьянских депутатов, заслушав доклад министра финансов Шингарёва о положении в стране и на фронтах 1 Мировой войны, в письме Св. Синоду предложил отдать в распоряжение государства драгоценные предметы церковного богослужения, хранившиеся про запас в церковных и монастырских кладовых и ризницах (и не использовавшиеся в богослужениях) [6, с. 137]. Как видно, представители крестьян в 1917 готовы были пожертвовать церковными ценностями даже ради «империалистической» войны.

Представители советской власти Донской области отнеслись внешне благосклонно к инициативе представителей Донской епархии. От уполномоченного местного ЧК было получено уведомление, что с их стороны не может быть препятствий к образованию Комитета ввиду отделения государства от Церкви. Более того, была высказана благодарность за начало доброго дела [1, л. 327 – 327 об.]. Однако упорядоченная работа общественности и верующих по сбору помощи была подмята штурмовщиной со стороны государства.

Часть современной Ростовской области (бывший Таганрогский округ) входила тогда в состав Украины. На эту территорию распространялся Циркуляр ЦК КП(б)У по проведению кампании по изъятию церковных ценностей), который между прочим гласил: «Остается единственный выход – это немедленно использовать те колоссальные реальные ценности, какими располагает общество в виде драгоценного имущества религиозного культа. По весьма приблизительным подсчетам установлено, что все церковные ценности в переводе на серебро равны 526 000 пудов серебра. Располагать этими ценностями в централизованном порядке, это значит иметь возможность закупить за границей 525 миллионов пудов хлеба» [10, д. 127, л. 29].

Политика руководства Советской России немногим отличалась от политики руководства Советской Украины. Церковные ценности решено было принудительно изымать. 16 февраля 1922 г. Президиум ВЦИК на своём заседании принял постановление «О порядке изъятия церковных ценностей» (опубликовано 26 февраля в воскресном номере (№ 46) газеты «Известия ВЦИК» с датировкой «23 февраля 1922 г.») [4, с. 5].

Вслед за этим в «Известиях ВЦИК» от 28 февраля (№ 47) была опубликована Инструкция по изъятию [10, д. 124, л. 22]. Инструкция определяла следующий порядок кампании: изъятие церковных ценностей входило в компетенцию специально созданных губернских комиссий по изъятию церковных ценностей. На местах работали волостные комиссии. Изъятие должно было проходить по описям церковного имущества, которые составлялись либо перед, либо сразу после освящения церквей и заверялись представителем епархиального управления [5].

Во исполнение этих решений в Ростове 5 марта 1922 г. была образована комиссия по изъятию драгоценных предметов из храмов. В ее состав вошли: зав. отделом Юстиции тов. Попов, зав. Облфинотделом – тов. Минченко, секретарь комиссии Помгол – тов. Ковалев, под председательством члена ВЦИК тов. А. И. Муралова.

Комиссия, приступив к работе, в первую очередь созвала представителей местного духовенства для обсуждения порядка выполнения постановлений ВЦИК. По словам местной прессы, участвовавшее в совещании духовенство – представитель архиепископа Арсения (Смоленца), настоятель всех ростовских церквей протоиерей Молчанов, архимандрит Армяно-григорианских церквей Муше, еврейский раввин Гольденберг, – признало необходимость передачи драгоценного имущества из храмов на дело помощи голодающим и подтвердило, что это ни в коей мере не противоречит основам религиозного культа, и обязалось разъяснить это своей пастве [11]. Впоследствии (в мае 1922 г.) архимандрит Муше опроверг это заявление прессы, заявив о незаконности изъятия ценностей [16].

Первым шагом комиссии явилось изъятие ценностей, находящихся в Ростовских синагогах. Из Главной хоральной синагоги было извлечено $14\frac{1}{5}$ фунтов серебра, из Солдатской синагоги $10\frac{1}{2}$ фунтов серебра, из Кладбищенской синагоги $5\frac{1}{2}$ фунтов серебра. Примечательно, что в синагогах, «в полном согласии с еврейской общиной, изъято все серебро полностью» [12]. В то время как позже в православных храмах при изъятии церковных ценностей комиссией были «главным образом извлечены излишки предметов церковного обихода, заключающиеся в лампадах, подсвечниках и проч., т.е. те предметы, которые совершенно не затрагивают религиозного культа, и изъятие которых не отразится на совершении церковных обрядов» [Там же]. Скорее всего, данный шаг власти был продиктован учетом антисемитских настроений местного населения, которое считало новую власть «еврейской» [11], и стремлением таким образом показать объективность и конфессиональное безразличие власти в деле изъятия церковных ценностей.

В субботу, 11 марта, комиссия приступила к изъятию церковных ценностей в соборе Рождества Богородицы, более известном для ростовчан как Старый собор. Здесь начались первые конфликты. Часы работы комиссии в отношении изъятия ценностей были согласованы с благочинным собора. Последний указал, что лучшие часы для проведения изъятия – между утренним и вечерним богослужением. Таким образом, в 13 часов комиссия прибыла в собор.

В соборе в это время в храме было несколько молящихся человек, члены церковного совета, ревизионная комиссия и причт – священник, дьякон и другие лица. Для работ комиссии были оставлены – церковный совет, причт, ревизионная комиссия и представители прихожан в числе 5 человек, которые подписывали договор об отделении церкви от государства. Остальные прихожане были удалены, по словам Муралова, «с небольшой для них охотой» [Там же]. Едва комиссия успела прочитать декрет ВЦИКа и инструкцию об изъятии церковных ценностей, как была вынуждена прекратить свою работу, так как с базара (базар располагался вокруг собора) стали врывать отдельные группы с плачем и криком. Комиссия прекратила заседание и по предложению церковного старосты направилась к выходу. Не успев выйти наружу, комиссия была окружена многолюдной толпой, хлынувшей с базара.

Противодействие толпе было оказано протодьяконом Д. Новочадовым и настоятелем собора И. Цариненко, которым, путем «увещевания толпы, удалось не допустить дикой расправы с членами комиссии» [Там же]. Примечательно, что протодьякон Д. Новочадов спас жизнь члену ЦИКа А. Муралову, на которого набросились женщины [1, л. 163 – 165 об.] (он увел А. Муралова в алтарь, куда женщинам вход запрещен).

Результатом происшествия был приказ Донисполкома № 102 от 12 марта 1922 г. о проведении расследования и принятии мер в связи с инцидентом в соборе Рождества Богородицы, согласно которому Донскому Областному Политотделу предписывалось произвести самое строжайшее незамедлительное следствие для выяснения инициаторов и активных участников этого нападения, предав всех виновных суду Революционного Трибунала. Комиссии предписывалось немедленно приступить к своей работе, «не останавливаясь перед применением вооруженной силы в случае повторения сопротивления» [11]. Как следствие инцидента, решено было развить усиленную агитационную работу среди войск, сельского населения, рабочих и городских жителей путём выпуска листовок, организаций собраний, докладов, митингов, лекций и пр. [8, с. 77-78].

Работа по изъятию церковных ценностей продолжалась до 21 марта 1922 г., когда она была приостановлена не только в Донской области, но и по всей России в связи с известными событиями (восстание) в Шуе. Следует отметить, что изъятие проводилось только в городе Ростове-на-Дону. Сельские, станичные и хуторские церкви и церкви в других городах области до мая 1922 г. не трогали.

В последних числах марта 1922 г. в области началась усиленная агитационная кампания, в рамках которой на предприятиях среди рабочих проводились собрания с вынесением одобренных резолюций в пользу изъятия. Коммунистов обязывали «в своей повседневной работе вести беседы с каждым в отдельности рабочим, широко разъясняя, что даст изъятие церковных ценностей многомиллионному голодному населению» [17, д. 8, л. 6 – 6 об.]. Причина, очевидно, была в том, что рядовыми рабочими выражались сомнения, пойдут ли ценности по своему назначению [Там же, д. 10, л. 5]. На общем собрании членов и кандидатов РКП(б) Нахичеванского района г. Ростова-на-Дону от 28 марта 1922 г. решено было вести агитацию «исключительно в том направлении, что изъятые церковные ценности пойдут в пользу голодающих, что является общегражданским долгом. Ставить же изъятие церковных ценностей в плоскость политической борьбы против попов и религии вообще есть в высшей степени тактика ошибочная и партия должна таковой шаг решительно отвергнуть» [18, д. 3а, л. 7 – 7 об.].

Донисполкомом, по ходатайству комиссии по изъятию церковных ценностей, Донфинотделу 6 мая 1922 г. было поручено до получения ассигнования из центра открыть авансовый кредит на сумму 800 000 000 (восьмисот миллионов руб.) для выдачи финансов окружным комиссиям. Новочеркасскому округу предназначались двести миллионов руб., остальным шести округам по сто миллионов руб. [2, д. 52, л. 42 об.].

После предварительной агитации с 1 мая 1922 г. началось само изъятие церковных ценностей. Работа, по выражению одного из участников, «была проведена порядочная» [Там же, д. 27, л. 46]. «Дело доходило даже до того, что работали по 12 часов в сутки», – отмечал на заседании Донисполкома один из руководителей кампании [Там же].

Наряду с официальной целью – накормить голодающих, власть при проведении кампании преследовала и неофициальную – провести раскол духовенства. В беседе с представителями печати председатель ВЦИК и ЦК Помгола М. И. Калинин заявил, что духовенство в вопросе об изъятии ценностей явно разбивается на 2 группы: одна считает необходимым оказать помощь голодающему народу из тех церковных ценностей, которые созданы самим же народом, а другая, явно антинародная, жадная и хищная, – против оказания помощи умирающему от голода крестьянству Поволжья [13]. «Изъятие ценностей проходит удовлетворительно... Проведён раскол среди духовенства, часть которого содействует изъятию», – сообщал агитпроп Донкома [7, д. 315, л. 16]. В секретном циркуляре от 2-го апреля 1922 г. секретарь ЦК РКП(б) В. М. Молотов указывал: «Газетная кампания по поводу изъятия ценностей ведется неправильно. Она направлена против духовенства вообще. Печатаются веселые сатирические стишки против попов вообще. Эта сатира бьет по низшему духовенству и сплывает духовенство в одно целое. Политическа[я] задача данного момента совсем не та, а прямо противоположная. Нужно расколоть попов или, вернее, углубить и заострить существующий раскол» [20, с. 93].

Попытки духовенства скрывать ценности от расхищения приводили к уголовному преследованию по законам Ревтрибунала и активному освещению этого в печати. «Трудовой Дон» в заметке «Расхищение церковных ценностей и духовенство» от 23 апреля 1922 г. писал: «Отрицательное и даже враждебное отношение одной части духовенства к делу изъятия церковных ценностей в Донобласти уже дает печальные результаты для голодающих. В Новочеркаске, напр., участились случаи ограбления церквей. Похищаются главным образом серебряные вещи и облачения. Но на ряду с[о] случаями простого уголовного бандитизма имеется много случаев симуляции ограбления. Духовенство само расхищает церковное имущество и дабы «замести следы», симулирует ограбление» [14]. По мнению Н. А. Кривовой, попытками опорочить российское духовенство Л. Д. Троцкий рассчитывал поспособствовать расколу и восстановить против духовенства народные массы, поддержавшие сопротивление церкви проведению в жизнь декрета об изъятии, и направить их в лоно лояльной «обновленческой» церкви [5].

Советские инструкции предписывали обязательное широкое освещение кампании в прессе [10, д. 124, л. 45]. В «Советском Юге» и «Трудовом Доне» изъятиям был отведён специальный раздел, обновляемый ежедневно вплоть до полного окончания кампании. Несмотря на то, что в циркулярах по проведению кампании по изъятию церковных ценностей предписывалось избегать открытой антирелигиозной пропаганды [Там же], в «Трудовом Доне» и «Советском Юге» активно печатались статьи, дискредитирующие духовенство в целом. Так, появились заметки «Весёлая вдова» [16] и пр. Примером дискредитации был доклад Донской комиссии по изъятию церковных ценностей, после поездки в ст. Старочеркасскую: «В монастыре <...> по кельям обнаружены громадные запасы продовольствия: муки, сахара и т.д. В кельях найдены старый одеколон, пудра, губная помада, портреты офицеров и т.д. В одной келье – у монашки – оказалась книга Габриэль Д'Аннуцио — «Нападение», в другой – под матрацем найдена икона с бриллиантами» [9].

Открытого сопротивления изъятию практически не было. Лишь в «заведомо контрреволюционном» Верхне-Донском округе местное население выказывало недовольство (на фоне сдержанного отношения жителей других округов) [19]. «Кампания протекает довольно благополучно, осложнений нет, за исключением того случая, который известен в старом соборе», – говорилось на заседании Пленума Донисполкома 22-го мая 1922 г. [2, д. 27, л. 48 – 49 об.].

По мнению А. В. Шадринной, реакция населения Таганрогского уезда (с 1920 по 1924 гг. входившего в состав Украины) на кампанию по изъятию церковных ценностей разительно отличалась от реакции других округов Донской области. Крестьянское население Таганрогского уезда соседней Донецкой губернии, в отличие от населения казачьих округов, оказывало сопротивление, порой открытое [19]. Выступления против изъятия были в селе Русско-Берестовском, селе Голодаевка, поселке Кривая коса, слободе Миллерово, в Успенской, Мало-Кирсановской, Мокро-Еланичинской, Елизавето-Николаевской и Советинской волостях [20, с. 50]. Но в целом, по мнению Н. А. Кривовой, Юг России относился ко второй группе сопротивляющихся губерний (наряду с Уралом, Сибирью, Русским Севером), где верующие выступали против изъятия ценностей в умеренной форме, хотя глухое недовольство проявлялось [5].

Итоги изъятия церковных ценностей в Донской области казались внушительными. Периодические издания «Трудовой Дон» и «Советский Юг» ежедневно сообщали сводки изъятых: «Во всех [старочеркасских] церквях изъято громадное количество серебряных предметов, бриллиантов, драгоценных камней, жемчуга, а также золота. Среди изъятых серебряных вещей – царские врата, серебряный литой ящик с престола около 8 пудов веса, одно паникадило весом около 7 пудов, некоторые ризы весят по 1 пуду. По приблизительному подсчету серебра изъято до 120 пудов» [9]. «В соборе [Новочеркаска] из одной ризы извлечен изумруд, который, по заявлению ювелира, расценивался в 1913 году не менее чем в 2000 руб.» [15]. К июлю 1922 г. изъятие

в Донской области было закончено. В Таганрогском уезде соседней Донецкой области «доизъятие» проводилось еще в декабре 1923 г. – январе 1924 г.

На момент окончания операции в Донской области властями планировалось иметь до 700 пудов серебра [2, д. 27, л. 46]. Действительность была не столь радужной, но, тем не менее, внушительной. По данным Донобфинодела, к 13-му июня 1922 г. в комиссию по изъятию церковных ценностей поступило: алмазов 5990 шт., бриллиантов 1957 шт., жемчугов 1121 шт., рубинов 4338 шт., изумрудов 2545 шт., сапфиров 631 шт., бирюзы 1253 шт. и приблизительно 500 шт. других менее ценных камней [20, с. 375]. В телеграмме Донисполкома в Настасьинский Гохран о ходе изъятия церковных ценностей по Юго-Восточному краю России от 15 июня 1922 г. говорилось, что доля изъятого серебра возросла до 502 пудов [3, д. 32, л. 12].

Подсчет по округам, проведенный нами, дает более внушительные цифры изъятого серебра: города Ростов и Нахичевань – 259 пудов (на 15 мая 1922 г.), Ростовский округ – 99 пудов (на 4 июня 1922 г.), Черкасский округ – 212 пудов (на 3 июня 1922 г.), I Донской округ – 73 пуда (на 21 августа 1922 г.), Донецкий округ – 58 пудов (на 3 июня 1922 г.), Верхне-Донской округ – 52 пуда (на 22 июня 1922 г.), Морозовский округ – 11 пудов (на май 1922 г.), Сальский округ – 32 пуда (на 2 июня 1922 г.) [20, с. 27, 28, 33, 36, 38, 40, 42]. Итого около 800 пудов. В Таганрогском уезде собрали 124 пуда (плюс 2 пуда 35 фунтов «доизъятых» в декабре 1923 г. – январе 1924 г.) [Там же, с. 54].

Донская область по итогам изъятия выгодно отличалась от других территорий. При подведении предварительных итогов, один из руководителей кампании сравнил Донскую область со Ставрополем и отметил, что «в Ставрополе церковей имеется столько же, сколько и в Ростове, а изъяли только 20 пудов серебра» [2, д. 27, л. 49 об.] (в Ростове только в одном храме Рождества Богородицы изъято более 30 пудов серебра) [20, с. 23].

Таким образом, церковь сама выступила инициатором сбора средств для поддержки голодающих, и прихожане на Дону поддержали этот почин, имея в виду в первую очередь голодающее Поволжье. Однако эта инициатива была перехвачена государством, задействовавшим мощный административный ресурс. Помимо официальной цели накормить голодающих, власть параллельно старалась провести раскол среди духовенства и в целом дискредитировать его. Особенности данного периода на Дону заключаются в следующем: в первую очередь изъятие было произведено в синагогах; в православных храмах без предварительной пропагандистской кампании изъятие проводилось лишь в Ростове-на-Дону, где оно на первом этапе встретило сопротивление населения; кампания по изъятию была приостановлена, как и в целом по России, и в течение всего апреля 1922 г. на Дону велась усиленная агитация и пропаганда в пользу изъятия церковных ценностей; сельские (казачьи) округа Донской области, сами страдавшие от голода, сопротивления изъятию ценностей практически не оказали; сельские (крестьянские) уезды и волости соседней Донецкой губернии (Украина) сопротивлялись изъятию более активно.

Список литературы

1. **Архив Управления Федеральной службы безопасности по Ростовской области** (Архив УФСБ РО). Архивное следственное дело П-53110.
2. **Государственный архив Ростовской области** (ГАРО). Ф. Р. 97. Оп. 1.
3. **ГАРО**. Ф. Р-3758. Оп. 3.
4. **Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году**: сб. документов из фонда Реввоенсовета Республики. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; Российский государственный военный архив, 2006. 304 с.
5. **Кривова Н. А.** Власть и Церковь в 1922-1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства [Электронный ресурс]. URL: <http://krotov.info/history/20/krivova/kriv01.html> (дата обращения: 14.07.2013).
6. **Материалы по истории русской иерархии**: статьи и документы. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2002. 239 с.
7. **Российский государственный архив социально-политической истории** (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60.
8. **Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы**. М.: Изд-во Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. 352 с.
9. **Советский Юг**. 1922. 14 мая.
10. **Таганрогский филиал ГАРО** (ТФ ГАРО). Ф. 413. Оп. 1.
11. **Трудовой Дон**. 1922. 14 марта.
12. **Трудовой Дон**. 1922. 21 марта.
13. **Трудовой Дон**. 1922. 29 марта.
14. **Трудовой Дон**. 1922. 23 апреля.
15. **Трудовой Дон**. 1922. 14 мая.
16. **Трудовой Дон**. 1922. 18 мая.
17. **Центр документации новейшей истории Ростовской области** (ЦДНИРО). Ф. Р-18. Оп. 1.
18. **ЦДНИРО**. Ф. Р-21. Оп. 1.
19. **Шадрина А. В.** Изъятие церковных ценностей в Донской области в документах Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) [Электронный ресурс] // Ростовская электронная газета (RELGA): научно-культурологический журнал. 2011. № 14 (232). URL: www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2991&level1=main&level2=articles (дата обращения: 04.08.2013).
20. **Шадрина А. В., Табунщикова Л. В.** Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год: сб. документов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. 416 с.

CHURCH TREASURES CONFISCATION IN DON REGION IN 1922

Tabunshchikova Lyudmila Viktorovna, Ph. D. in History
South Federal University
puma19776@mail.ru

The article is devoted to one of the aspects of the soviet state policy in relation to the Russian Orthodox Church: it shows the policy of church treasures confiscation in Don region, its methods and the reaction of the population. The author, basing on a wide range of archival sources, reveals the features of such policy realization.

Key words and phrases: Church; church treasures confiscation; anti-church propaganda; silver; treasures concealment.

УДК 113:574

Философские науки

В статье дан системный анализ исторических этапов развития социальной экологии. Выявлены методологические пути устранения односторонних трактовок предмета социальной экологии, имеющих место в научной литературе. Представлено новое определение предмета социальной экологии. Авторы приходят к выводу о необходимости целостного подхода в конструировании предметной области современной социальной экологии и предлагают на этой основе создать более глубокую по содержанию концепцию взаимодействия природы и общества.

Ключевые слова и фразы: социальная экология; экология человека; глобальная экология; социально-экологическое бытие; экологическая культура; экологическое мировоззрение; философия экологии.

Табуркин Вячеслав Иванович, д. филос. н., профессор
Доронина Марина Вячеславовна, к. филос. н., доцент
Тюменский государственный аграрный университет Северного Зауралья
bio-farm24@yandex.ru

О ЦЕЛОСТНОСТИ ПРЕДМЕТА СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ[©]

В последнее время весьма актуальной становится проблема разработки более глубоких по своему содержанию научных теорий охраны и рационализации природопользования. Для разрешения данной проблемы в современной экологии создаются особые её разделы. Поэтому основной целью нашего исследования и является системно-философское обоснование формирования и развития именно такого нового направления в науке – социальной экологии.

Социальная экология как научная дисциплина возникла сравнительно недавно. Её расцвет начинается примерно с 60-х годов XX столетия, хотя сама категория «социальная экология» возникла гораздо раньше.

Впервые термин «социальная экология» появился в 1921 году в трудах американских социологов Р. Парка и Е. Берджесса, а затем в работе американского исследователя Р. Маккенсила в 1927 году для описания внутренней структуры развития крупного индустриального города. Этот термин был использован ими в качестве названия теории, изучающей поведение человеческой популяции в условиях городской среды.

Поэтому неслучайно это понятие переводится с английского языка ещё и как экология человека. Однако первоначально социальная экология или экология человека рассматривалась как часть общей экологии и представляла собой преимущественно биологическую концепцию социальных явлений и процессов.

Таким образом, термин «социальная экология» в то время не отражал в полном объёме социальные аспекты экологии, и она оставалась в основном биологической наукой.

Безусловно, современный термин «социальная экология» гораздо содержательнее, так как стал охватывать довольно многообразный спектр связей и отношений между обществом и окружающей средой. Существенно изменилась и сама предметная область социально-экологического исследования. Так, например, сербский исследователь Д. Ж. Маркович определяет социальную экологию как «отдельную социологическую науку, предметом изучения которой являются специфические связи между человеком и его средой» [12, с. 18]. Известный американский учёный Ю. Одум также пишет: «Если мы хотим рассматривать взаимодействие —природных” и —культурных” свойств людей, экология человека должна выйти за рамки общей экологии» [13, с. 646]. Следующий, не менее известный, французский эколог П. Агесс указывает, что если мы включаем человека с его деятельностью в сферу исследования экологии, то «отсюда автоматически следует, что экология – наука не только естественная, она должна включать в себя и другие дисциплины, такие, например, как право, экономика, социология и т.д.» [1, с. 5].

В современной науке имеется также позиция, согласно которой социальная экология, прежде всего, представляется «как теория формирования ноосферы, в рамках которой мы строим алгоритмы управления окружающей природной средой... разработка алгоритмов, способов, методов управления отнюдь не означает, что